

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-4-536-541

МИХАЙЛОВ Максим Сергеевич,
аспирант, Московский финансово-промышленный
университет «Синергия», Москва,
e-mail: m23aks@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ ОДНОГО ИЗ НИХ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых механизмов реализации общего имущества супругов в деле о банкротстве одного из них. Автор исходит из того, что семейно-правовые конструкции, предназначенные для регулирования имущественных отношений внутри семьи, в условиях несостоятельности приобретают иное функциональное значение, влияя на формирование конкурсной массы и распределение имущественных рисков между участниками гражданского оборота. В работе проводится анализ законодательства о банкротстве в части включения в конкурсную массу имущества, находящегося в общей совместной собственности супругов, а также рассматриваются особенности его реализации финансовым управляющим. Обосновывается тезис о двойственной роли семейно-правовых соглашений — брачных договоров и соглашений о разделе имущества — которые одновременно выступают инструментом автономного регулирования имущественных отношений супругов и способны изменять структуру имущественной ответственности должника перед кредиторами. Особое внимание уделяется проблеме процессуального положения супруга должника, чьи имущественные права непосредственно затрагиваются при реализации совместного имущества, однако действующее законодательство не закрепляет его полноценного процессуального статуса в деле о банкротстве. На основе системного анализа норм законодательства о несостоятельности формулируется вывод о наличии нормативного пробела, приводящего к дисбалансу интересов участников конкурсных отношений. В статье предлагается решение данной проблемы через закрепление в законе специального процессуального статуса супруга должника как лица, участвующего в деле о банкротстве.

Ключевые слова: банкротство граждан, конкурсная масса, общее имущество супругов, совместная собственность, брачный договор.

MIKHAILOV Maxim Sergeevich,
postgraduate student, Moscow Financial and Industrial
University «Synergy», Moscow

REALIZATION OF JOINT MARITAL PROPERTY IN THE BANKRUPTCY OF ONE SPOUSE

Annotation. The article examines legal mechanisms for the realization of marital joint property in bankruptcy proceedings involving only one spouse. The author proceeds from the premise that family-law constructions designed to regulate property relations within the family acquire a different functional significance in insolvency proceedings, affecting the formation of the bankruptcy estate and the distribution of property risks among participants in civil circulation. The study analyzes the provisions of bankruptcy legislation governing the inclusion in the bankruptcy estate of property held in joint marital ownership and considers the specific features of its realization by the financial manager. The article substantiates the thesis of the dual role of family-law agreements—prenuptial agreements and property division agreements—which simultaneously serve as instruments of private regulation of marital property relations and as mechanisms capable of altering the structure of the debtor's имущественной liability to creditors. Particular attention is devoted to the procedural position of the debtor's spouse whose property rights are directly affected by the sale of joint property, although current legislation does not grant such a person a full procedural status in bankruptcy proceedings. Based on a systematic analysis of insolvency legislation, the author concludes that

there exists a normative gap leading to an imbalance of interests among participants in bankruptcy relations. The article proposes a conceptual solution by introducing a special procedural status of the debtor's spouse as a person participating in bankruptcy proceedings.

Key words: *personal bankruptcy, bankruptcy estate, marital joint property, joint ownership of spouses, prenuptial agreement.*

Правовой режим имущества супругов сформирован в семейном законодательстве как конструкция совместной собственности, при которой конкретные доли участников заранее не определены. Имущество, приобретенное в период брака, признаётся принадлежащим обоим супругам независимо от того, на имя кого оно оформлено и кто фактически внёс денежные средства на его приобретение (ст. 34 СК РФ [11]). Доли супругов в праве собственности определяются лишь при разделе имущества либо при установлении долевого режима по соглашению сторон (ст. 38, 39 СК РФ).

Законодатель исходит из того, что имущественная общность в браке служит обеспечению совместной жизнедеятельности семьи и не предполагает автономного экономического поведения каждого из супругов. Однако при возникновении обязательств одного из супругов эта конструкция начинает взаимодействовать с механизмами гражданско-правовой ответственности. Общие правила обращения взыскания на имущество супругов допускают возможность привлечения к имущественной ответственности не только личного имущества должника, но и его доли в общем имуществе супругов (ст. 45 СК РФ). Вследствие этого совместная собственность оказывается включённой в сферу интересов кредиторов, хотя первоначально она формировалась как институт внутреннего семейного регулирования. Как пишет Е. А. Лагунова, «необходим поиск баланса между интересами семьи должника в деле о его банкротстве и недопущением отказа должника от исполнения обязательств перед кредиторами» [6, с. 56].

На этом фоне особое значение приобретают семейно-правовые конструкции, посредством которых супруги вправе изменять установленный законом режим собственности. Закон допускает достаточно широкий спектр инструментов индивидуального регулирования имущественных отношений супругов.

Наиболее значимым среди них выступает брачный договор, позволяющий изменить законный режим совместной собственности на долевой либо раздельный, определить права супругов на отдельные объекты имущества и установить иные условия имущественного взаимодействия (ст. 40–42 СК РФ). Помимо этого, супруги могут заключить соглашение о разделе общего имущества или определить доли в праве собственности (ст. 38 СК РФ).

Каждая из названных конструкций по своей природе направлена на перераспределение имущественных прав между супругами. В обычной ситуации такое перераспределение рассматривается как проявление частной автономии участников семейных отношений. Однако законодательство не ограничивает возможность заключения соответствующих соглашений каким-либо конкретным этапом семейной жизни. Как отмечает И. Е. Белова, «сложившиеся особенности применения положений семейного законодательства в оспаривании сделок должника-гражданина предопределены не только самим фактом наличия семейно-правовых обязательств должника, но и характером отдельных правоотношений, влияющих на формирование конкурсной массы и удовлетворение интересов кредиторов должника-гражданина» [2, с. 272].

Брачный договор может быть заключён как до регистрации брака, так и в любой момент его существования (ст. 41 СК РФ), а соглашение о разделе имущества допускается как в период брака, так и после его прекращения (ст. 38 СК РФ). Это означает, что изменение режима собственности возможно и в тот момент, когда один из супругов уже связан обязательственными отношениями с третьими лицами.

С одной стороны, семейное законодательство закрепляет широкую свободу супругов в определении режима имущества. С другой стороны, изменение этого режима способно непосредственно влиять на объём имущественной ответственности одного из супругов перед кредиторами. При переходе от режима совместной собственности к раздельному либо при передаче значительной части имущества одному из супругов имущественная база должника может существенно сократиться.

В законодательстве присутствуют отдельные положения, направленные на предотвращение подобного эффекта. Так, супруг обязан уведомлять своих кредиторов о заключении, изменении или расторжении брачного договора; при невыполнении этой обязанности он отвечает по обязательствам независимо от содержания брачного договора (ст. 46 СК РФ). Как указывает А. А. Кисиль, «положения о разделе имущества в период банкротства, о разделе кредитных долгов и бизнес-активов должны быть предусмотрены непосредственно в Семейном кодексе» [4, с. 65].

Данная норма свидетельствует о признании законодателем потенциального конфликта между автономией супругов и интересами кредиторов. Обязанность уведомления направлена на устранение ситуации, при которой кредитор ориентируется на существование законного режима совместной собственности, не зная о его последующем изменении. Как указывает А. Я. Ахмедов, «стороны брачного договора вправе изменить законный режим имущества супругов на режим долевой или раздельной собственности как в отношении всего имущества, так и в отношении его отдельных видов» [1, с. 36].

Семейно-правовые соглашения способны менять структуру имущественных прав супругов без изменения фактического состава имущества. С юридической точки зрения происходит перераспределение прав собственности между супругами, тогда как экономическое содержание имущества остаётся прежним. Подобная трансформация способна существенно изменить распределение имущественных рисков между участниками гражданского оборота.

В результате семейно-правовые конструкции начинают выполнять двойственную функцию. В пределах семейного законодательства они выступают инструментом организации имущественной сферы семьи. Одновременно в системе обязательственного и конкурсного права такие конструкции способны оказывать влияние на пределы имущественной ответственности должника. Перераспределение прав на имущество между супругами может приводить к уменьшению имущественной базы, из которой удовлетворяются требования кредиторов.

Эта особенность позволяет говорить о существовании потенциального фраздаторного эффекта семейно-правовых соглашений. Под фраздаторным эффектом в данном случае следует понимать возможность использования семейно-правовых механизмов для изменения структуры имущественной ответственности должника. При этом само по себе заключение брачного договора или соглашения о разделе имущества не выходит за пределы дозволенного поведения. Закон прямо допускает такие действия и рассматривает их как нормальный элемент регулирования семейных отношений. Проблема возникает в иной плоскости — в том, что данные конструкции способны изменять баланс имущественных интересов между должником и его кредиторами.

Следовательно, семейно-правовые сделки в системе действующего законодательства обладают особым регулятивным потенциалом. Они функционируют одновременно в двух правовых измерениях. В семейном праве они служат инструментом распределения имущественных прав

между супругами. В сфере обязательственного и конкурсного регулирования они могут выступать фактором, влияющим на структуру имущественной ответственности должника. Как отмечает Т. П. Шишмарева, «должники в предвидении несостоятельности и введения процедуры над их имуществом часто совершают сделки с целью недопущения обращения взыскания по их долгам» [10, с. 117].

Законодательство о банкротстве исходит из принципа формирования конкурсной массы как совокупности имущества, принадлежащего должнику на праве собственности на дату открытия процедуры. В отношении граждан данный принцип закреплён в положении о том, что в конкурсную массу включается всё имущество должника, за исключением объектов, на которые в соответствии с законом не может быть обращено взыскание (ст. 213.25 Закона о несостоятельности (банкротстве)) [12].

При этом закон учитывает специфику режима имущества супругов. Если имущество находится в общей совместной собственности супругов, то в конкурсную массу включается доля должника в таком имуществе (ст. 213.26 Закона о несостоятельности (банкротстве)).

Совместная собственность предполагает отсутствие заранее определённых долей, вследствие чего сама доля должника в праве собственности становится юридически неопределённой до момента раздела имущества. Законодательство о банкротстве не устанавливает специальной процедуры предварительного определения доли должника. Вместо этого применяется модель реализации имущества целиком с последующим распределением полученных денежных средств между конкурсной массой и супругом должника.

Продажа имущества должника осуществляется финансовым управляющим посредством проведения торгов (ст. 213.26 Закона о несостоятельности (банкротстве)). При реализации имущества, находящегося в совместной собственности, финансовый управляющий вправе реализовать весь объект имущества. После продажи супруг должника получает денежную компенсацию, соответствующую принадлежащей ему доле.

В результате законодатель допускает распоряжение объектом имущества, принадлежащим одновременно двум субъектам, одним из которых является лицо, не участвующее в обязательственных отношениях с кредиторами. Фактически имущество супруга должника оказывается включённым в процедуру реализации без его волеизъявления. Такая ситуация обусловлена особенностями режима совместной собственности, однако она неизбежно ставит вопрос о правовом положении супруга должника в деле о банкротстве. Как

указывает Д. О. Османова, «подобная нормативная отстраненность с учетом спектра и сложности обозначенных проблем приводит к распространению злоупотреблений и нарушению баланса интересов сторон» [7, с. 92].

Обращение к нормам закона показывает, что супруг должника не наделён самостоятельным процессуальным статусом в процедуре банкротства. Как пишет Н. А. Ешкилева, «на основе анализа норм права, научной литературы и судебной практики выявлены отдельные проблемы, связанные с применением норм о банкротстве физического лица» [3, с. 303].

Перечень лиц, участвующих в деле о банкротстве, включает должника, конкурсных кредиторов, финансового управляющего и иных субъектов, прямо указанных в законе (ст. 34 Закона о несостоятельности (банкротстве)). Супруг должника в данный перечень не включён. Его участие в деле носит опосредованный характер и возникает лишь в тех случаях, когда он обращается в суд с самостоятельным требованием о разделе имущества либо о защите своих имущественных прав.

С одной стороны, супруг должника является самостоятельным собственником имущества, реализуемого в процедуре банкротства. С другой стороны, он не обладает процессуальными средствами влияния на ключевые решения, связанные с распоряжением этим имуществом. Как отмечают Н. В. Котельников, А. Н. Садков и Н. И. Прудникова, «нормы действующего законодательства позволяют установить справедливый баланс между интересами супруга гражданина, подвергаемого процедурам банкротства, и кредиторов такого гражданина» [5, с. 127].

В частности, закон не предоставляет супругу должника права участвовать в обсуждении условий продажи имущества, оспаривать действия финансового управляющего либо заявлять возражения относительно включения имущества в конкурсную массу.

Следствием подобной конструкции становится зависимость имущественных интересов супруга от действий лиц, участвующих в процедуре банкротства. Финансовый управляющий осуществляет распоряжение имуществом, руководствуясь интересами формирования конкурсной массы и удовлетворения требований кредиторов. Между тем супруг должника заинтересован в сохранении принадлежащего ему имущества либо в обеспечении максимально выгодных условий его реализации. Отсутствие процессуального механизма выражения этой позиции создаёт дисбаланс прав участников процедуры. Как отмечают А. Ф. Пьянкова и Т. В. Шершень, «финансовый управляющий ... включает в конкурсную массу супруга-должника все общее имущество обоих

супругов (бывших супругов), производит реализацию этого имущества и лишь после удовлетворения требований кредиторов в пределах доли супруга-должника... средства выдаются супругу должника» [8, с. 146].

Наличие такой проблемы подтверждается и системным анализом законодательства о банкротстве. Закон последовательно исходит из необходимости защиты прав лиц, чьи имущественные интересы затрагиваются процедурой банкротства. Как пишет Н. С. Радионов, «ситуация, при которой общее имущество супругов включается в конкурсную массу, может привести к нарушению прав второго супруга, не являющегося должником» [9, с. 167].

Закон исходит из того, что любое включение имущества в конкурсную массу должно сопровождаться возможностью заинтересованных лиц заявить возражения и инициировать судебную проверку правомерности такого включения. Наиболее наглядно данная логика проявляется в регулировании требований об исключении имущества из конкурсной массы (ст. 61.1 Закона о несостоятельности (банкротстве)).

Так, собственники имущества, находящегося у должника на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, обладают правом заявлять требования об исключении такого имущества из конкурсной массы. Само существование подобного механизма предполагает признание того обстоятельства, что формальное нахождение имущества во владении должника не означает принадлежности этого имущества самому должнику. Нормативная модель предполагает возможность ошибочного включения имущества в конкурсную массу и, соответственно, предусматривает специальный процессуальный инструмент для устранения такой ошибки.

Представим, что унитарное предприятие передает закрепленное за ним имущество на праве хозяйственного ведения, в отношении предприятия возбуждается дело о банкротстве, и финансовый управляющий включает соответствующие активы в конкурсную массу, исходя из фактического владения ими должником. Собственник имущества — публично-правовое образование — вправе заявить требование об исключении этого имущества из конкурсной массы, указав на отсутствие у должника права собственности на соответствующие объекты. Судебное рассмотрение такого требования направлено на восстановление имущественного баланса и предотвращение обращения взыскания на имущество, принадлежащее третьему лицу.

Схожая логика прослеживается в регулировании прав залогодержателя. Закон о несостоятельности предоставляет ему возможность уча-

ствовать в определении порядка реализации предмета залога (ст. 138 Закона о несостоятельности (банкротстве)). Речь идет не о формальном уведомлении кредитора о будущей продаже имущества, а о признании его особого имущественного интереса в судьбе соответствующего актива. Предмет залога составляет источник преимущественного удовлетворения требований залогодержателя, вследствие чего порядок его реализации напрямую влияет на объем будущего удовлетворения требований.

Моделирование типичной ситуации показывает практическое значение этой нормы. Гражданин-должник владеет квартирой, приобретенной за счет кредитных средств и обремененной ипотекой. В процедуре реализации имущества финансовый управляющий формирует план продажи актива, однако залогодержатель вправе участвовать в определении условий такой продажи: начальной цены, порядка проведения торгов, возможности реализации имущества единым лотом либо иным способом. Подобное участие направлено на предотвращение ситуации, при которой актив будет реализован на условиях, объективно ухудшающих положение кредитора, обладающего обеспечительным правом.

При сопоставлении указанных механизмов с положением супруга должника обнаруживается очевидная асимметрия правового регулирования. В отличие от собственников имущества, находящегося у должника на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, супруг должника лишен возможности заявлять самостоятельные требования об исключении имущества из конкурсной массы, хотя речь может идти о принадлежащей ему доле в общем имуществе.

Возможная ситуация выглядит следующим образом. В период брака супругами приобретено жилое помещение, которое в силу режима совместной собственности принадлежит обоим супругам. В отношении одного из них возбуждается дело о банкротстве, после чего финансовый управляющий включает соответствующий объект в конкурсную массу и приступает к процедуре его реализации. Формально супруг должника не является ни кредитором, ни лицом, обладающим самостоятельным обеспечительным правом на имущество. Его имущественный интерес проявляется иначе — через долю в общем имуществе супругов. Однако процессуальный механизм защиты этой доли законом прямо не закреплён.

Схожая коллизия возникает в ситуации, когда супруги владеют общим имуществом, имеющим значительную стоимость и представляющим для семьи базовый имущественный актив. Финансовый управляющий, действуя в рамках положений о реализации имущества гражданина, может

включить соответствующий объект в конкурсную массу и инициировать его продажу единым лотом. В результате реализации имущество отчуждается полностью, после чего второму супругу выплачивается денежная компенсация, соответствующая его предполагаемой доле. Такая модель предполагает трансформацию права собственности супруга в денежное требование, хотя закон не содержит процедуры, позволяющей супругу участвовать в обсуждении порядка реализации имущества либо оспаривать включение конкретного актива в конкурсную массу до момента его продажи.

Сравнение с положением залогодержателя позволяет выявить дополнительное несоответствие. Лицо, обладающее ограниченным вещным правом на имущество должника, наделено правом влиять на процедуру реализации соответствующего актива. Супруг должника, обладающий долей в праве собственности на тот же объект, подобной возможности не имеет.

Законодательство о банкротстве предусматривает развитую систему процессуальных инструментов для защиты имущественных интересов различных участников процедуры — собственников имущества, залогодержателей, кредиторов, уполномоченных органов. В то же время супруг должника, имущественные права которого затрагиваются непосредственно и в полном объеме, фактически оказывается вне установленной процессуальной конструкции. Отсутствие специальных норм, определяющих его процессуальное положение, приводит к ситуации, при которой защита его имущественных интересов зависит от косвенных механизмов и не имеет самостоятельного нормативного оформления.

С учётом изложенного представляется обоснованным закрепление специального процессуального статуса супруга должника в деле о банкротстве. Такой статус должен основываться на признании того, что супруг является самостоятельным субъектом имущественных прав на объект совместной собственности, реализуемый в процедуре банкротства.

Для устранения выявленного дисбаланса представляется целесообразным дополнить законодательство о несостоятельности специальной нормой, определяющей процессуальное положение супруга должника.

Для этого необходимо дополнить статью 34 Закона о несостоятельности (банкротстве) новым пунктом следующего содержания:

«5. Супруг гражданина-должника, права которого затрагиваются включением имущества, находящегося в общей совместной собственности супругов, в конкурсную массу, участвует в деле о банкротстве в качестве лица, участвующего в

деле. Такой супруг вправе заявлять возражения относительно включения имущества в конкурсную массу, участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с реализацией указанного имущества, а также обжаловать действия (бездействие) финансового управляющего, затрагивающие его имущественные права».

Закрепление процессуального статуса позволит обеспечить баланс интересов участников процедуры банкротства и повысить уровень защиты имущественных прав лиц, не являющихся должниками, но вовлечённых в конкурсное производство вследствие режима совместной собственности супругов.

Список литературы:

- [1] Ахмедов А. Я. Пределы индивидуального регулирования супружеских отношений на основании брачного договора // *Lex Russica* (Русский закон). 2024. Т. 77, № 4(209). С. 35-53.
- [2] Белова И. Е. Совместное банкротство супругов: вопросы теории и практики // *Актуальные проблемы государства и права*. 2021. Т. 5, № 18. С. 271-280.
- [3] Ешкелева Н. А. Институт банкротства физического лица в современной России // *Наукосфера*. 2022. № 9-1. С. 303-307.
- [4] Кисиль А. А. Проблемные аспекты раздела общего имущества супругов в судебном порядке и пути их преодоления // *Евразийская адвокатура*. 2021. № 3(52). С. 65-70.
- [5] Котельников Н. В., Садков А. Н., Прудникова Н. И. Порядок продажи имущества должника в делах о банкротстве физических лиц: особенности реализации имущества, принадлежащего гражданину-должнику на праве общей собственности // *Правовая парадигма*. 2022. Т. 21, № 4. С. 126-135.
- [6] Лагунова Е. А. Баланс интересов кредиторов и семьи должника в делах о банкротстве граждан // *Пролог: журнал о праве*. 2021. № 3(31). С. 56-66.
- [7] Османова Д. О. Правовой статус бывшего супруга (супруги) // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2023. № 5(105). С. 92-100.
- [8] Пьянкова А. Ф., Шершень Т. В. Раздел общего имущества супругов в российской Федерации: спорные вопросы теории, законодательства и правоприменения // *Ex Jure*. 2023. № 3. С. 145-167.
- [9] Радионов Н. С. Порядок и проблемы расчета с кредитором по общему долгу супругов // *Legal Bulletin*. 2023. Т. 8, № 4. С. 167-177.
- [10] Шишмарева Т. П. Оспаривание семейно-правовых сделок (действий) несостоятельного должника // *Актуальные проблемы российского права*. 2025. Т. 20, № 5(174). С. 116-123.
- [11] Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1996. № 1. Ст. 16.
- [12] О несостоятельности (банкротстве): федер. закон Рос. Федерации от 26.10.2002 № 127-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2002. № 43. Ст. 4190.

References:

- [1] Akhmedov A. Ya. The limits of individual regulation of marital relations on the basis of a marriage contract//*Lex Russica* (Russian law). 2024. T. 77, NO. 4 (209). S. 35-53.
- [2] Belova I.E. Joint bankruptcy of spouses: questions of theory and practice//*Actual problems of the state and law*. 2021. VOL. 5, NO. 18. S. 271-280.
- [3] Eshkileva N. A. Institute of bankruptcy of an individual in modern Russia//*Naukosphere*. 2022. № 9-1. S. 303-307.
- [4] Kisil A. A. Problematic aspects of the division of common property of spouses in court and ways to overcome them//*Eurasian advocacy*. 2021. № 3(52). S. 65-70.
- [5] Kotelnikov N.V., Sadkov A.N., Prudnikova N.I. The procedure for selling the property of the debtor in bankruptcy cases of individuals: features of the sale of property belonging to the debtor citizen on the basis of common ownership//*Legal paradigm*. 2022. VOL. 21, NO. 4. S. 126-135.
- [6] E.A. Lagunova. Balance of interests of creditors and the debtor's family in bankruptcy cases of citizens//*Prologue: journal of law*. 2021. № 3(31). S. 56-66.
- [7] Osmanova D.O. Legal status of the former spouse//*Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSLA)*. 2023. № 5(105). S. 92-100.
- [8] Pyankova A.F., Hornet T.V. Division of common property of spouses in the Russian Federation: controversial issues of theory, legislation and law enforcement//*Ex Jure*. 2023. № 3. S. 145-167.
- [9] Radionov N. S. Procedure and problems of settlement with the creditor on the common debt of spouses//*Legal Bulletin*. 2023. T. 8, NO. 4. S. 167-177.
- [10] Shishmareva T.P. Challenging family legal transactions (actions) of an insolvent debtor//*Actual problems of Russian law*. 2025. T. 20, NO. 5 (174). S. 116-123.
- [11] Family Code of the Russian Federation: feder. law Ros. Federation dated 29.12.1995 No. 223-FZ//*Collection of legislation of the Russian Federation*. 1996. № 1. Art. 16.
- [12] On insolvency (bankruptcy): feder. law Ros. Federation dated 26.10.2002 No. 127-FZ//*Collection of legislation of the Russian Federation*. 2002. № 43. Art. 4190.